

Варвара Жданова

Кукольный дом

Живые души и их подобие в классической литературе

«...И показалось мне, что я построил домик и лишь только в него переехал, как рухнула крыша.

- Очень хорошо, - сказал Иван Васильевич по окончании чтения, теперь вам надо начать работать над этим материалом».

М. Булгаков «Театральный роман»

В эпизоде первого тома «Войны и мира» Борис Друбецкой, находчиво импровизируя, сочиняет биографию куклы. Хозяйка куклы – Наташа Ростова - и все общество смеются.

Чичиков с Ноздревым сели за партию в шашки.

Сцена «одновременной игры гроссмейстера Бендера» с васюкинскими шахматными любителями в «Двенадцати стульях» - очевидное варьирование этого эпизода «Мертвых душ».

Чичиков видит, что Ноздрев тайком передвигает шашки. Ноздрев, покраснев с досады, отвечает:

« - Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!

- Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

- За кого ж ты меня считаешь? – говорил Ноздрев. – Стану я разве плутовать?

- Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду.

- Нет, ты не можешь отказаться, - говорил Ноздрев, горячась, - игра начата!».

«Господин положительного свойства. Автор должен быть умный человек.

Господин отрицательного свойства. Ничуть не умный. Я знаю, он служил, его чуть не выгнали из службы: просьбы не умел написать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? – он прямо написал письмо к министру... Министр как прочитал: «Ну, говорит, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много врагов. Будь начальник отделения!». И прямо из писцов махнул он в начальники отделения».

«Театральный разъезд после представления новой комедии».

Первое знакомство с Чичиковым. Словно кукла едет в тележке. Начало игры.

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка... В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод».

Чичиков - будто кукла, заводная игрушка. В гостях у Тентетникова:

«Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ножкой и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинного мячика».

Шкатулка Чичикова, ее сложное устройство: ящики для карандашей, перьев, чернильница, коробки с нужными бумагами, бумагами, оставленными на память, потайной ящичек для денег, который Павел Иванович всегда очень быстро выдвигал... Шкатулка – это душа Чичикова.

В «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина обрисован некий градоначальник, который, при ближайшем рассмотрении, оказывается механической куклой, да еще – поломанной. Местный механик тайно исправляет механизм. Подобно тому, как шарманка играет снова и снова одну и ту же мелодию, градоначальник повторяет всего несколько слов.

Вспоминая начало «Мертвых душ». Афиша, которую в городе NN Чичиков срывает со столба и прячет в карман, чтобы потом рассмотреть, в метафорическом плане – анонс комедии в реальном пространстве, которая вскоре разыгрывается силами Чичикова, соседей-помещиков, городских чиновников.

Чичиков умеет говорить ни громко, ни тихо, обходителен и услужлив. Его услужливость не объяснить только корыстью. Изъясняется гладко, порой – книжными оборотами, судит обо всем и с приятностью.

Чичиков понравился всем в городе, и хорошее мнение о нем держалось до той поры, пока «одно странное свойство гостя», а также его «предприятие» не расстроило сложившегося положения.

Комедия в реальном пространстве. Чичиков, торгуясь с Собакевичем, говорит:

« - Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? кому нужен?

- Да вот вы же покупаете, стало быть нужен».

Автор о механизме повествования:

«Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их, - но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец».

«А почему же шинель нашли у тебя?» - «Не могу знать: верно, кто-нибудь другой принес ее». – «Ах ты бестия, бестия! – говорит капитан-исправник,

покачивая головою и взявшись под бока. – А набейте ему на ноги колодки да сведите в тюрьму». – «Извольте! я с удовольствием», - отвечаешь ты... И вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде производится твое дело».

«Мертвые души»

«Господин с другой стороны группы (подхватывая речь). Нет, это было не в тюрьме, это было на башне. Это видели те, которые проезжали. Говорят, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэт на высочайшей башне, вокруг горы, местоположение восхитительное, и он оттуда читает стихи. Не правда ли, что здесь является какая-то особенная черта писателя?»

«Театральный разъезд после представления новой комедии»

«Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.

Дался им голос мой, и как себе исправно

Всем слышится, и всех сзывает до зари!

На голос мой спешил, за чем же? – говори».

Грибоедов «Горе от ума»

В характере Чичикова есть «положительность», склонность к родственной теплоте отношений, эти черты позволяют соотнести образ Чичикова и, скажем, образ Фамусова из «Горя от ума».

Чичиков – как воспоминание о незабвенной душе.

«Чичиков заметил, что это, точно, случается и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума.

- Но позвольте прежде одну просьбу... - проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. – Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

- Да уж давно; а лучше сказать, не припомню».

В разговоре Чичикова с Маниловым, когда Манилов поражается, что его приятель хочет прикупить мертвые души, явственно уловим гамлетовский мотив, воспроизведенный пародийно. Чичиков – Гамлет, Манилов – Горацио.

«Горацио

О день и ночь! Вот это чудеса!

Гамлет

Как к чудесам, вы к ним и отнеситесь.

Гораций, много в мире есть того,

Что вашей философии не снилось».

Гамлет и флейта. Гамлет утверждает, что с его душой нельзя обращаться, как с флейтой. Так играть нельзя. И нечего раскидывать сети.

Чичиков – пародийный Гамлет, Гамлет-хапуга.

«Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачав слегка головой, сказал: «Вишь ты, как барин поет!». Были уже густые сумерки, когда подъехали они к городу. Тень со светом перемешалась совершенно, и казалось, самые предметы перемешались тоже».

Больше всего на свете, Манилов увлечен хорошим тоном и манерами. По сути, Манилов – нарядная говорящая кукла.

Их разговор с Чичиковым – как беседа кукол. Разговор приятелей с сентиментальными излияниями спародирован в эпизоде болтовни двух дам города NN о новых фасонах и неотразимом демоне Чичикове. Эта болтовня – уже явно кукольная...

Собакевич зорко наблюдает свое добро и не замечает, что из хозяина превращается в сторожа, собаку, уже почти стал предметом обстановки, которую стережет.

Коробочка и Плюшкин – это пестрая ветошь.

Если старенькая ветхая Настасья Петровна еще годна на какое-нибудь доброе дело, то Плюшкин уже ни на что не годен. Это – живой мертвец.

Плюшкин – тот, кого поглотило зло. Кто оставлен «на сладкое».

Соотнесем образы несчастного, сбившегося с пути, умирающего брата Левина – Николая из «Анны Карениной» и – угасающего в добровольном изгнании Плюшкина.

В определенный период жизни Константина Левина охватывают хозяйственные амбиции, он наивно мечтает о дружной семейной жизни, жене, совместном труде в имении. Чрезвычайно интересно здесь провести соотнесение с наброском характера замечательного хозяина и семьянина, распорядительного помещика Константина Федоровича Костанжогло из второго тома «Мертвых душ».

Если Чичиков – пародийный Гамлет, то губернаторская дочка (свежий, нежный цветок) – Офелия.

Кити напоминает гоголевскую губернаторскую дочку.

Левин сделал предложение Кити, получил отказ и в смятении уехал в деревню. Проходит время. Левин мельком видит Кити в карете на деревенской дороге, вновь надеется.

Пролетевшая через деревню карета в «Мертвых душах». Идентичность художественной образности.

«Везде поперек каким бы то ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бедной деревушки, не выдавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, не надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал из виду дивный экипаж».

«Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» - «Да так, брат, - отвечает, бывало, - так как-то все...» Большой оригинал».

Так хвастается Хлестаков в «Ревизоре».

Ноздрев с его карикатурным внешним сходством с Пушкиным – это, как бы, Пушкин в обывательском воображении. Враль, пустой человек.

Пушкина нет. Россия без Пушкина. Пустота на небе после заката солнца. Пустота жизни без Пушкина.

Маленький мир сказок Андерсена – одушевленный, ярко-красочный. Вспомним сказку «Дюймовочка»: маленькая девочка появилась в чаше большого тюльпана, ей встречаются злые жабы, угрюмый крот, кроткая ласточка...

Сопоставимы идейные (гуманистический базис) и художественные позиции Андерсена и Гоголя – писателей-современников.

«Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу шагал аист на длинных красных ногах и болтал по-египетски, - этому языку его научила мать. За полями и лугами раскинулся большой лес, в чаще его таились глубокие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце озаряло старинную усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой; вся полоса земли между этими канавами и каменной оградой заросла лопухом, да таким высоким, что малые ребята могли стоять под самыми крупными его листьями, выпрямившись во весь рост».

Андерсен «Гадкий утенок»

Начало сказки «Гадкий утенок» - характеристика окрестностей старой усадьбы, в эмоционально-художественном, образно-стилевом, ритмическом плане соотносится с началом второго тома «Мертвых душ» - описанием чудного природного ландшафта возле помещичьей усадьбы Тентетникова.

Читая «Гадкого утенка», вспомним также описание заросшего сада возле дома Плюшкина и вид из окошка дома Коробочки - на тесный дворик с домашней живностью: с курами, индюшками, индюком, болтающем на непонятном языке.

Чичиков оглядывает птичий двор Коробочки:

«Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух – окно же было очень близко от земли – заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака».

М. Метерлинк «Синяя птица» (1908). Аморфная мистика отступает перед деятельным прагматизмом человека.

Для чернокнижников наступили нелегкие времена.

«Ночь. ...Мои Ужасы боятся и не смеют выйти из дому, мои призраки разбежались, большинство моих Болезней совсем расхворалось».

В одной из сцен «Мертвых душ» - Чичиков оглядывает обстановку в горнице придорожного трактира, автор подчеркивает одушевленность окружающего: это все - «старые приятели»:

«В комнате попались все старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, треугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего».

Одушевленность окружающего – основная художественная идея «Синей птицы».

В начале «Синей птицы» перед детьми внезапно появляются одно за другим загадочные эфемерные создания.

«Оно со слащаво-глупой улыбкой подходит к Митиль.

Митиль, очень испуганно. Что ему нужно?

Фея. Ведь это Душа Сахара».

В «Синей птице»: «...У Животных, Предметов и Стихий, есть душа, которой человек еще не знает».

Само название «Мертвые души» - контрастно соотносящееся с идеей одушевленности мира, очевидно, было дорого автору «Синей птицы».

Образные системы «Мертвых душ» и «Синей птицы» не только сопоставимы, по принципу близости гуманистических идей, но позволительно говорить о чертах преемственности в пьесе Метерлинка по отношению к гоголевскому произведению.

Манилов и Душа Сахара – родственные образы, автор «Синей птицы» с любовью варьирует характер гоголевского персонажа.

На лице Манилова является «выражение не только сладкое, но даже приторное».

«На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано *сахару*, в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами».

Автор «Мертвых душ» мельком говорит, какого героя он мог бы легко обрисовать. Этот призрак героя, наверняка, вспоминал Метерлинка, представляя Душу Огня.

Такие бывают маски и призраки (призраки в масках).

«Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как *огонь*, плащ – и портрет готов...».

Наметим и отдаленные образные соотнесения в «Синей птице» по отношению к произведению Гоголя.

Жена Манилова – Душа Воды. У жены Манилова шелковый капот «бледного цвета», «тонкая, небольшая кисть руки». И она – деятельная бездельница.

Чичиков и Коробочка. В «Синей птице» - умершие дедушка и бабушка детей, у которых Тильтиль и Митиль побывали в гостях.

Плюшкин – контрастная противоположность Душе Хлеба. Скупость Плюшкина – щедрость Души Хлеба.

Собакевич – Душа Собаки.

Ноздрев – Душа Кота.

Преемственная связь – зрительная (сходство в деталях костюмов) и художественно-эмоциональная.

Ноздрев похож на кота. Характер и внешние черты Бегемота в «Мастере и Маргарите» (проказливый кот-фантазер порой превращается в толстяка с кошачьей физиономией) создан Булгаковым не без влияния образа Ноздрева.

В «Синей птице». Ночь (о призраках):

«Скорее, скорее!.. Запри дверь... А то они все разбегутся, и нам уж нельзя будет поймать их снова. Им скучно с тех пор, как человек перестал относиться к ним серьезно».

Инсценировка М.А. Булгаковым «Мертвых душ» отличается динамическим и драматургически-четким построением. Финал перенесен из второго тома: заключение Чичикова в тюрьму, дача взятки и освобождение. Действие неуклонно разворачивается в классически-последовательной смене картин: Чичиков у губернатора; у помещиков; нагромождение фантастических свидетельств о покупке мертвых душ, светский кружок города NN в смятении; Чичиков в остроге...

Профессор Преображенский поздним вечером один в своем кабинете думает превратить операцией разбушевавшегося Шарикова опять в собаку:

«... Наконец, в полном одиночестве, зелено окрашенный, как седой Фауст, воскликнул:

- Ей-богу, я, кажется, решусь».

Представим: будущий автор «Собачьего сердца» встречается глазами с бездомной дворнягой и поражается человеческим выражением собачьих глаз. «Эдакая умная собака», - думает добрый писатель, приходит в свою бедную комнату и садится за письменный стол...

В повести Булгакова «Собачье сердце» (1925) находим образы, параллельные гоголевским «куклам». Это – две машинистки.

Одна, в начале повести – она жалеет Шарика, пропадающего в стужу и пробегает мимо.

Другая - появляется в середине повествования. Шариков хочет жениться на кроткой машинистке, пораженной роскошной обстановкой профессорской квартиры.

В первом случае – это тип куклы. Во втором – явление конкретной куклы.

Есть чудные фарфоровые куклы – само изящество. Таковы две дамы из «Мертвых душ» с милым щебетом о модах.

Здесь – бледное личико, подрисованные глаза - жалкая тряпичная кукла, забава грабителя с темным прошлым...

В одном из контекстов восприятия, не исчерпывающем всего идейно-художественного потенциала повести, Шарик – био-механическая игрушка, «сверхкомпьютер», в который вкладывается пользователь. Вот Шарик и смотрит человеческими понимающими глазами.

Силой художественного дара Булгакова приоткрывается действительность, как она есть, может быть, и помимо его конкретной воле.

Собака Шарик – Шариков – профессор Преображенский.

«Сверхкомпьютер» - Пользователь компьютера – «Бог-изобретатель», Фауст-ученый.

Запись в журнале ассистента Преображенского – доктора Борменталья:

«Новая область открывается в науке: без всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Профессор Преображенский, вы – творец!».

Агрессивное дикарство Шарикова. Взаимная нетерпимость Преображенского и Шарикова.

Взаимная вражда техники и человека базируется на провокациях. Важна личность использующего высокие технологии. А Шариков явно не достоин их использовать.

Профессор Преображенский, как маг и чернокнижник. Мистика с ироническим оттенком, как всегда у Булгакова.

В описании столовой в профессорской квартире:

«Посередине комнаты – тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на нем два прибора, салфетки свернутые в виде папских тиар, и три темные бутылки».

В эпизоде роскошного сытного обеда Преображенского и Борменталья, когда профессор высокомерно рассуждает о разрухе, можно уловить отзвук пушкинского «Пира во время чумы».

Вспомним также строку Державина: «Где стол был яств, там гроб стоит».

«Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите?

Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с; гвоздику-с.

Подколесин. Дамам очень идут цветы.

Агафья Тихоновна. Да, приятное занятие».

Игра в куклы в комедии «Женитьба». Кукольная беседа.

В этом произведении явно просматривается архетипическая конструкция «Фауста» Гете.

Фауст – Мефистофель – Маргарита.

В пародийной форме: Подколесин, лежебока, которому давно пора жениться – его деятельный приятель Кочкарев – Агафья Тихоновна.

Любовная трагедия «Фауста», провокации Мефистофеля здесь трансформируются в шутку.

«Кочкарев (Ей, тихо.) Будьте посмелее, он очень смирен; старайтесь быть как можно развязнее. Эдак поворотите как-нибудь бровями или, потупивши глаза, так вдруг и срезать его, злодея, или выставьте ему как-нибудь плечо, и пусть его, мерзавец, смотрит! Напрасно, впрочем, вы не надели платья с короткими рукавами; да, впрочем, и это хорошо».

К художественно-образному строю пьесы подходят любимые слова немца-учителя Карла Ивановича («Детство» Л.Н. Толстого) – «кукольная комедия».

Кочкарев, как будто, играет в куклы: ему хочется устроить нарядную свадьбу.

Агафья Тихоновна собирает вокруг себя женихов как новых кукол. Куклы знакомятся, садятся за чайный столик, играют в гости. Хозяйке весело.

«И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров.

Каково положение? – я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!»... «Извольте господа, я принимаю должность»... Как прохожу через департамент, - просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист...

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится... Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)».

Хлестаков, в реальности фантазмагории, играет как в куклы с городскими чиновниками и городничим. Он уверен, что кругом него – куклы, не люди. Зачатки великого диктаторства Хлестакова.

В эпизоде фильма Чаплина «Великий диктатор» (1939) главный герой весело играет с глобусом, как с мячиком. Решение судеб мира в пространстве игры.

«Время волшебников прошло», - так начинается сказка Ю. Олеши «Три толстяка» (1924).

Кукла наследника Тутси похожа на живую девочку. Механизм куклы испортился. Живая девочка притворяется куклой.

«Если бы она попала в общество самых настоящих кукол, то, без всякого сомнения, они приняли бы ее за такую же куклу».

В сказке «Три толстяка» улавливаются классические мотивы: тема Наташи Ростовской и ее куклы и, возможно, мотив комедии «Женитьба».

Для женихов, Агафья Тихоновна – прекрасная кукла, о которой мечтает каждый малыш, отталкивая соседа. И вот находится лучший – Подколесин, он – как принц, и кукла достается ему.

О некоторых идеях сказки «Маленький принц» Экзюпери.

Лис, как будто в кинозале, раз за разом садится все ближе к экрану, приглядываясь к маленькому принцу. И оказывается прирученным, подобно тому, как публику покоряет мастерство художника-творца (кинематографиста, писателя). Маленький принц должен помнить о прирученном Лисе. Автором сказки поднимается важнейшая тема ответственности творца перед публикой.

Самолет, которым управляет автор-летчик, совершает вынужденную посадку в пустыне. Настойчиво на протяжении повести повторяется, как автор пытается починить мотор, и ничего не получается.

На самом деле (автор намекает на это, но впрямую ему стыдно признаться), это самолет устраивает каверзу хозяину-летчику за то, что тот не признает одушевленности техники. «Вот посиди», – злорадно решает самолет. И летчик оказывается в пустыне.

Наконец, самолет может взлететь. Он, как будто, думает о летчике: «Ладно, я прощаю тебя».

Тот, кто признает душу в технике, того и техника признает, и он будет «маленьким принцем».

Признать ли одушевленность техники? И какая это душа: большая – человеческая или, сообразуясь с основным душевным движением техники: услужливостью – маленькая, собачья душа?

« - О, какой ты счастливец! – подхватил Степан Аркадьич, глядя в глаза Левину.

- Отчего?

- Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам, - продекламировал Степан Аркадьич. – У тебя все впереди».

Стива Облонский в разговоре с Левиным, влюбленным в Кити, иронически и немного перевирая, цитирует Пушкина. И те же строки о конях и их таврах повторяет Вронскому.

Понятие «кентавры» (герои мифологии – полу-люди, полу-кони) в современном мире может служить метафорой слияния в плодотворной работе человеческого разума, воли, веры и – техники, высоких технологий.

«Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назад, и ничего нет, и опять в дороге».

Чичиков выезжает из города. Конец игры.

«С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, забор и улицы, которые также со своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад и которые, бог знает, судила ли ему участь увидеть еще когда-либо в продолжении своей жизни. При повороте в одну из улиц бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ее проходила бесконечная погребальная процессия».

Отголосок этого эпизода уловим в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Маргарита, сидя на скамейке, видит погребальную процессию. Откуда ни возьмись, появившийся Азазелло, подсказывает, что хоронят Берлиоза.

« - Он пишет... историю, ваше превосходительство.

- Историю! о чем историю?

- Историю... - Тут Чичиков остановился, и оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто чтобы придать более важности предмету, прибавил: - историю о генералах, ваше превосходительство.

- Как о генералах? о каких генералах?

- Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности... то есть, говоря собственно, об отечественных генералах, - сказал Чичиков, а сам подумал: «Чтой-то я за вздор такой несу!».

В разговоре с генералом Бетрищевым Чичиков упоминает о трудолюбии и просвещенности своего приятеля Тентетникова.

Чиновники в городе NN щеголяли образованностью.

«Прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто даже и совсем ничего не читал».

«Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках...

- Давайте в вóрона, давайте играть в ворона! – зашумели все...

- Кому же быть вороном?»

В обступившей его толпе, парень узнает ведьму.

« - Ведьма! – сказал он, вдруг указав на нее пальцем и оборотившись к дому».

«Майская ночь, или Утопленница»

Чичикову свойственно показываться вдруг совсем иным человеком. «Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее...».

Азazelло в «Мастере и Маргарите» Булгакова – inferнальная вариация образа Чичикова, Чичиков-оборотень. В приводимой цитате призрак санитарки – это еще интерпретация образа Агафьи Тихоновны (она – как ведьма).

«... Профессор повернулся к столу и тут же испустил вопль. За столом этим сидела в косынке сестры милосердия женщина с сумочкой с надписью на ней: «Пиявки». Вопил профессор, взглядевшись в ее рот. Он был мужской, кривой, до ушей, с одним клыком. Глаза у сестры были мертвые.

- Денежки я приберу, - мужским басом сказала сестра, - нечего им тут валяться. – Сгребла птичьей лапой этикетки и стала таять в воздухе».

В комедии «Женитьба», фактически, предложена формула прекращения изживающей себя игры. Кочкарев советует Агафье Тихоновне, как разом отказать женихам:

«Скажите просто: **«Пошли вон, дураки!»**

«Агафья Тихоновна. Да ведь это выйдет уж как-то бранно.

Кочкарев. Да ведь вы больше их не увидите, так не все ли равно?».

Очеловечивание собаки в повести Булгакова – яркая метафора посмертного признания.

Художник униженно отрекается от себя, его кружит дьявольская метель. Очередная плановая гибель.

Но вот, наконец понятый, он выходит из мрака забвения.

Примечание. Статья вошла в сборник В. Ждановой «Кукольный дом», опубликованный LAP Lambert Academic Publishing.